

ПАМЯТИ КАХИ БЕНДУКИДЗЕ

13 ноября 2014 года в Лондоне на 59-м году жизни скончался бывший министр экономики Грузии, один из самых известных бизнесменов России 90-х годов Каха Бендукидзе. Он входил в круг так называемых олигархов, с которыми лично общались президенты России Борис Ельцин и Владимир Путин. Каха Автандилович умер из-за сердечной недостаточности. В Лондоне ему сделали операцию на сердце, а незадолго до этого Бендукидзе вернулся из Швейцарии, где проходил лечение в кардиологической клинике.

Мы взяли на себя смелость разместить эту публикацию в нашем журнале, поскольку Каха Автандилович стоял у истоков НПЦ «Биопол», предшественника ПОЛИПЛАСТИКА. и оказал большое влияние на людей, имевших непосредственное отношение к началу деятельности компании.

Мы не будем подробно пересказывать его биографию – она известна, и найти ее можно на множестве интернет-ресурсов. Родился в Тбилиси, окончил биофак Тбилисского университета, затем аспирантуру МГУ, защитил диссертацию. Работал в Институте биохимии и физиологии микроорганизмов АН СССР в Пущино, сначала лаборантом, потом возглавил лабораторию молекулярной гене-

тики. Начал заниматься предпринимательской деятельностью, когда уже разваливался Союз – в 1988 году создал с группой научных сотрудников несколько организаций, занимающихся производством биохимических препаратов для научных исследований. Потом были ОАО «НИПЕК», руководящие посты в ряде крупнейших компаний, включая «Уралмаш», работа в Российском союзе промышленников и предпринимателей и многое другое.

В 2004 году президент Грузии Михаил Саакашвили позвал Каху на родину, предложив пост министра экономики. Бендукидзе согласился и вскоре прославился отчаянно-драконовскими реформами. Но благодаря им Грузия была признана Всемирным банком «самой реформируемой страной» и поднялись со 137-го до 11-го места в рейтинге стран по легкости ведения бизнеса, опередив даже Германию и Францию.

В мае 2014 года Бендукидзе принял приглашение президента Украины Петра Порошенко стать членом Экономического и совещательного совета при правительстве Украины. В сотрудничестве с другими видными экономистами подготовил рекомендации по перечню неотложных мер для реформирования экономики страны.

О том, насколько ярким и талантливым был этот человек, рассказывают люди, знавшие его.

Андрей Илларионов

экономист, в 2000–2005 гг. – советник Президента Российской Федерации по экономической политике. (перепечатано с разрешения slon.ru)

Чудо грузинских экономических реформ случилось прежде всего потому, что у них был чудесный отец – Каха Бендукидзе. В Украине за несколько месяцев он превратился в настоящую рок-звезду, кого публика чуть ли не на руках

носила за его ясные, четкие, в то же время беспощадные, полные горечи и иронии комментарии.

Но кроме официальных историй, есть еще и его история как человека. Совершенно уникального человека. Равному которому ни по масштабу личности, ни по человеческим характеристикам сейчас назвать трудно. За свою недолгую жизнь он успел немало сделать и в академической науке – в его родной молекулярной биологии, в бизнесе, на государственном поприще, создать

лучший в Грузии Свободный университет. И все время быть активнейшим участником общественных дискуссий в России, Грузии, в Украине. Он был под стать настоящим титанам Возрождения. Его уход – совершенно невозполнимая утрата.

В отличие от многих других бизнесменов, чьи имена на слуху, он никогда не был «олигархом». Да, он заработал некоторые деньги, стал состоятельным человеком, но в сравнении с теми, кого обычно называют олигархами, он был весьма скромного достатка. И тратил эти деньги он не на роскошную жизнь для себя, а на проекты по созданию свободного общества.

Тем не менее, в российском обществе он воспринимался – и заслуженно – в качестве одного из ведущих бизнесменов страны. Он был избран в руководящие органы РСПП и в этом качестве регулярно встречался с российским руководством. Он участвовал во многих обсуждениях не столько из-за того, что обладал огромным состоянием, сколько в силу исключительного интеллектуального вклада, какой он вносил в любую дискуссию. Трудно поставить кого бы то ни было рядом с ним – по глубине мысли, по точности и ясности изложения, по его завораживающему стилю. Вообще, на русском языке грузин Бендукидзе говорил так, как не говорит подавляющее большинство этнических русских.

Он был из тех людей, кто работает не для себя, а для страны, для общества, в котором они живут. Живя в России, он воспринимал ее как свою родину и поэтому делал все возможное для того, чтобы на этой его родине жилось удобно, комфортно, достойно – всем и ему в том числе. И добился много больше тех, кто для этого (для этого ли?) пошел в публичную политику. Каха обладал невероятным обаянием. Он обладал удивительной способностью высказывать крайне неприятные слова, говорить болезненные вещи, жестко критиковать – и в адрес той или иной страны или тех или иных людей. Но природное чутье подсказывало ему такие формулировки, какие не воспринимались как оскорбительные. Те, кому были адресованы его замечания, сохраняли к нему симпатию и уважение.

В 2000 году я рекомендовал Путину назначить Каху Бендукидзе на пост министра экономики России. Путин неплохо знал Каху, но назначил другого человека (Германа Грефа. – ред.). Спустя четыре года Михаил Саакашвили, впервые познакомившись с Кахой, через час предложил тому занять пост министра по экономическим реформам. Через сутки Каха принял это предложение. То, что произошло затем в Грузии – чудо грузинских либертарианских реформ, – сегодня хорошо известно. За короткий срок страна совершила невероятный рывок в своем развитии. Если бы за четыре года до этого Каха оказался на посту министра экономики России, то сейчас мы обсуждали бы успех не грузинских, а российских реформ, мы гордились бы российским экономическим чудом. Более того, мы бы наслаждались его плодами. Та-

кова цена политического решения, кадрового решения лица, находящегося на вершине политической власти, его целенаправленного выбора.

Последние восемь месяцев он начал свою «третью жизнь» в Украине, став советником новых украинских властей и приняв на себя функции главного экономического консультанта всего украинского общества.

Масштаб личности Кахи Бендукидзе сегодня мы еще до конца не понимаем. Только с его уходом мы начинаем ощущать огромную, чудовищную пустоту – и в Украине, и в Грузии, и в России, и для многих-многих людей в других странах.

Мирон Горилловский

Для меня знакомство с Кахой началось 30 декабря 1988 года. Отлично помню тот день (это был день маминого рождения), когда меня – научного сотрудника НИИПМ НПО «Пластмассы» разыскали мои институтско-туристские друзья Сергей Альтштейн и Миша Буренко и попросили встретиться по какому-то важному вопросу. Поскольку давно не виделись, я с удовольствием согласился пересечься где-то на юге Москвы в каком-то институте, имеющем отношение к биотехнологии, с которым как-то сотрудничал Сергей.

Встретили меня словами: «Слушай, мы тут начали работать в одном месте, вроде кооператива, но научного, и нашему шефу нужен человек, разбирающийся в «пластике». Подробностей не знаем, но можно хорошо заработать». Я тогда вплотную занимался кандидатской диссертацией, получал свои 130 рублей, подрабатывал переводом патентов и всюду встречался с будущей женой, и такой график совсем не предусматривал еще и дополнительную работу. Я сказал: «Ну ладно, давайте договоримся после новогодних праздников встретиться с вашим шефом. А сейчас еду домой, поздравлять маму». Ну уж нет, сказали мужики, взяли меня «под белые руки» и повели в соседнюю лабораторию, где я первый раз и увидел Каху Бендукидзе.

Он в то время работал заведующим лабораторией молекулярной генетики Института биотехнологии и одновременно начал заниматься бизнесом в рамках только что созданного Общества «Биопроцесс», куда как раз недавно и устроились работать мои товарищи. Передо мной предстал крупный в буквальном смысле слова человек лет 35-ти с ясными пронзительными глазами, который с легким грузинским акцентом быстро объяснил мне, что несмотря на то, что «Биопроцесс» занимается биотехнологией, синтезом и всякой прочей наукой, к которой я, полимерщик, имел, пожалуй, косвенное отношение (иногда пробирки и пакеты для них были пластиковые), все-таки я им нужен, поскольку есть хорошая идея, которую надо воплотить в жизнь с применением разных пластиков. Буквально за пять минут Каха обрисовал суть идеи по созданию портативного набора для определения содержа-

ния нитратов в овощах и фруктах, чтобы любой человек прямо на рынке мог за считанные минуты понять, что за товар ему подсовывают. Все просто – индикатор, растворенный в концентрированной кислоте, давал окраску, интенсивность которой зависела от содержания нитратов в капле сока овоща или фрукта. Но кроме идеи ничего не было, а иметь бытовой набор и продавать его хотелось прямо завтра.

Проект показался мне любопытным, и я сказал, что подумаю, как можно было бы практически его воплотить «в пластмассе». Встретившись после нового года, я принес Кахе концепцию такого набора, основу которого составил полистирольный пенал для ручки с прозрачной крышкой, полиэтиленовая ампула-капельница для кислоты и прочие аксессуары, компактно размещаемые в пенале. Это все мы придумали с Димой Островским, моим коллегой по НИИПМ, за неделю, бегая по разным магазинам, складам медтехники и знакомым московским литейным производствам. Кахе понравилась оперативность и простота, а также наша уверенность, что все это можно сделать быстро, недорого и своими силами. «Ладно, – сказал он, – рублей 200 зарплаты тебе хватит? Но сделать надо за 3 месяца, к весеннему сезону! Если сдюжишь, дадим потом премию 1% от прибыли – это много...». При моих 130 руб. на основной работе, 200 руб. были бешеные деньги – не за работу, требующую 8 часов в день сидеть на стуле, а за креативность, суету и результат. И я решил, что терять мне нечего, надо попробовать.

Так Каха меня «купил», и через менее чем 2 месяца опытная партия «нитратных наборов» в количестве 10 тыс. штук поступила в пробную продажу. При себестоимости в 27 копеек продажная цена наборов составляла 2,5 рубля, и они пользовались бешеным спросом.

Работать под руководством Кахи было интересно. Не всегда просто, поскольку сложный характер иногда проявлялся в очень резких словах и поступках, но ясность мыслей, конкретность и простота подходов, оригинальность и глубокая внутренняя порядочность – именно эти качества, ярко проявившиеся уже в начале его коммерческого пути, в конечном итоге, доставляли удовольствие от общения и совместной работы. Кроме того, Каха был энциклопедически начитан, прекрасно владел и русским, и английским языками, выучив их самоучкой после обучения в грузинской школе. И вообще, Каха был по-настоящему талантливым человеком почти во всем, за что брался. Характер у него, как у любого таланта, был непростой, но он никогда не позволял себе оскорблять или унижать людей, которые находились в его подчинении, напротив, если он понимал, что надо что-то объяснить, он не жалел на это ни времени, ни сил. Не терпел он только ложь, лень и явную глупость и нелюбопытность. Если стеснялся, то сначала раздражался, а потом становился навсегда равнодушным к таким людям, независимо от их положения.

Для меня Каха Бендукидзе был и остается первым и единственным коммерческим руководителем в моей жизни. Мы работали под его непосредственным руководством до конца весны 1989 года, после чего вместе с Сергеем Альштейном попросили отпустить нас «в свободное плавание», дав нам возможность создать свою организацию. И к чести Кахи, он нас услышал и поддержал. Мы с Сергеем начали развивать одновременно биотехнологию и переработку пластмасс в Научно-производственном центре «Биопол». К августу 1991 года стало ясно, что различия в приоритетах развития компании неминуемо ведут к разделению двух бизнесов – в итоге 19 августа 1991 года появилось НПП «Полипластик».

Все это время и еще до 1996 года мы регулярно встречались с Кахой. Разговаривали, иногда обсуждали какие-то бизнес-проекты. Он всегда был на голову впереди нас, мыслил широко и оригинально, и у него всегда было чему поучиться. Всем запомнилось его выступление на пятилетии ПОЛИПЛАСТИКа, где он в присущей ему манере сказал: «Вот согласился я бы тогда дать Мирону те 5% от прибыли, которые он просил, и не было тогда бы вашего ПОЛИПЛАСТИКа...». Но закончил выступление словами из известной в те годы социальной телерекламы: «Позвони родителям». Имелось в виду – не забывайте, кто вас вырастил. И вот сейчас хотелось бы позвонить, да уже некому. Но мы не забудем...

Профессор А.Д. Альштейн

Летом 1984 года во время конгресса Федерации европейских биохимических обществ в Москве ко мне подошел колоритный молодой человек и, представившись, сказал, что хотел бы обсудить со мной, как можно использовать очень модную тогда генетическую инженерию для создания и усовершенствования вакцин против важных вирусных инфекций. Молодого человека звали Каха Бендукидзе, он работал старшим лаборантом в лаборатории И. Фодора в Институте биохимии и физиологии мик-

роорганизмов АН СССР и специализировался на генетической инженерии и биотехнологии. Мы проговорили несколько часов. С ним было очень интересно общаться, он был заинтересован в проблеме и хорошо подготовлен.

Мы начали работать вместе. Он оказался очень умелым генным инженером, специалистом по выделению (клонированию) генов. Его познания в молекулярной биологии и генетической инженерии, а также способность обсуждать планируемые исследования и полученные результаты производили большое впечатление, они совершенно не соответствовали его скромной должности старшего лаборанта без ученой степени. И действительно, вскоре он был оценен по достоинству и приглашен на должность руководителя лаборатории в Институте биотехнологии и Институте генетики и селекции микроорганизмов и успешно руководил там научными коллективами.

Вместе с Кахой мы сделали ряд интересных генноинженерных вариантов (рекомбинантов) вируса осповакцины. Эти исследования были описаны в 1985–1986 гг. в «Докладах АН СССР». Вместе с лабораторией проф. В.И.Черноса из Московского НИИ вирусных препаратов были проведены испытания этой экспериментальной вакцины на добровольцах, в числе которых были авторы вакцины, включая Каху Бендукидзе. Это было первое в мире испытание такого типа генноинженерной вакцины на людях, оно было опубликовано в журнале «Вопросы вирусологии» в 1990 году.

К началу 90-х годов Каха пришел к выводу, что эффективно работать в отечественной науке невозможно, и полностью перешел в бизнес, где, как всем известно, добился действительно выдающихся результатов, проявив свою безусловную незаурядность в бизнесе, политике, благотворительности, направленной на поддержку высшего образования.

Я дружил с Кахой, мы с уважением относились друг к другу, встречались в домашней обстановке. Мои сотрудники работали с ним с большим удовольствием. Я вспоминаю его как интереснейшую личность, творческого человека, талантливого во многих отношениях, горячего спорщика, человека, способного на нестандартные решения. Он много сделал для развития экономики в России и Грузии. Как жаль, что он умер! Его смерть – горе для всех, кто знал и понимал его как человека и деятеля, понимал его важную роль в нашей жизни.

Сергей Альтштейн

со-основатель и Президент Chembridge Corp.

С Кахой Бендукидзе я впервые встретился в Институте биотехнологии, где он заведовал лабораторией, а я был младшим научным сотрудником. Это был человек яркий, и не заметить его было невозможно. Мне удалось познакомиться с ним, когда я пытался сделать первые шаги в бизнесе. С первого разговора стало ясно, что наши интересы

с ним во многом совпадают, и он сделал мне предложение, от которого я не только не смог отказаться, но которое перевернуло всю мою судьбу: из науки я ушел в бизнес.

Каха стал моим непосредственным начальником. Мы успешно и очень быстрыми темпами создали фирму по продаже генно-инженерных реагентов. Потом были нитратные наборы – проект, на который руководителем пришел Мирон Горилловский. Работать с Кахой было трудно – характер взрывной, занятость безумная – но очень интересно.

Он всегда мыслил глобально и нестандартно. Единственный раз видел его растерянным – в день, когда танки шли по Москве. А мы с Кахой и с другими соотечественниками по бизнесу целый день сидели в офисе, обсуждая совсем не бизнес-проекты. Во всех других ситуациях он никогда не сдавался. Жесткость характера компенсировалась его безумным обаянием, перед которым людям трудно было устоять.

Мой первый учитель в бизнесе – Каха Бендукидзе, человек большого таланта и большого масштаба. Мне повезло. А вот он мог сделать еще очень многое. Информация о его смерти резанула по сердцу, хотя мы не общались уже более десяти лет. Наверное, такие люди не оставляют равнодушными никого, кто с ними в жизни пересекался.

Евгений Вайсберг

основатель и Президент Optimal Health and Prevention Research Foundation

Очень трудно о личности калибра Кахи Бендукидзе сказать в нескольких словах, но если бы я попытался, я бы сказал: Стратегическое Видение и Отсутствие Страх. Каха имел талант видеть шире и дальше чем другие; видеть стратегически, с высоты птичьего полета; видеть в масштабе малого бизнеса, в масштабе большого бизнеса и в масштабе страны. И он не боялся. Не боялся ошибок и неудач, не боялся успеха, не боялся нарушать нормы и запреты, не боялся открыто говорить что он думает, не боялся создавать себе врагов и не боялся следовать своему видению несмотря ни на что. Бог одарил его многими талантами, и мне кажется, что эти качества помогли ему сполна реализовать их.

